

СЕРАЯ ШЕЙКА

Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привёл птиц болотно-лесного государства в большую тревогу. Все начали готовиться в дальний путь, чтоб одолеть несколько тысяч вёрст. На зиму улетали лебеди, журавли, аисты, гуси и утки, а шли кулички, чернозобики, черныши, зуйки. Одна Серая Шейка никуда не собиралась: у неё было переломлено крыло весной, когда к выводку пробралась Лиса и хватанула уточку. Тада старой Утке удалось Серую Шейку отбить, но крыло у неё до сих пор было слабым. Таперь, в канун зимы, все сперва решили, што уж лучше было б Лисе совсем съесть Серую Шейку, чем ей замёрзнуть зимой.

– Тады я сама с ней остануся! – заявила протест старая Утка. – Будем вместе у ключа зимовать, авось там река не замёрзнет.

– Ну, нет, – возразил старый Серезень. – Ты в стае нужна, нашим остатним детушкам. Попробуем с болотно-лесным начальством договорицца, штоб не морозило климат почём зря. А ишо штоб Лиса не смела Серую Шейку трогать.

Так и поступили. Отправились делегацией к болотно-лесному начальству – целая толкучка получилася. А начальство толкучек этих не любило, оно их боялося, так што размашисто покивало, заверило, што зимой организовать оттепели, а Лиса – што? Она в воду не полезеть. И вот, как болота начали замерзать, первыми тронулися болотные птицы, улетели журавли. Дольше всех оставались водоплавающие. Наконец, распрощавшись с Серой Шейкой, улетела её стая: поднялися утки одной кучей, а потом вытянулися в правильный треугольник и исчезли вдаль. «Одна я таперь одинёшенька, – думала Серая Шейка, заливаясь слезами. – Лучше б было, всё-таки, если б мене тада Лиса съела».

Вы, наверно, догадалися, што погода в нашем царстве-государстве очень зависима от общественно и информационно климата. Када он соответствовать нашей худосошной, но таки конституции, тада тепло, а ежели нет – надевай зипун и сиди дома у печки, дрожи, оттепели весенней дожидаячи. Бывали времена, када такой оттепели ждали по несколько десятилетий.

Река, на которой осталася Серая Шейка, весело катилася меж гор и лесов. Но по утрам вода у берегов начинала замерзать, а днем тонкий, как стекло, лед таял. Река была пуста, и жизнь сохранялася тока в лесу, иде посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы.

– Река вся не замерзнетъ, – приговаривала сабе Серая Шейка. – Обещали же.

Раз со скуки Серая Шейка забралася в лес, и тут из-под куста кубарем вылетел Заяц.

– Ах, как ты меня напугала, глупая! – воскликнул Заяц. – Душа в пятки ушла... И зачем ты здесь толчѣшься? Ведь утки давно улетели.

– Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, када я ишо была маленькой.

– Ох, ета Лиса! Нет хуже зверя. Она и до мене давно добираеца. Ты берегися, када на реке будетъ лёд. Можетъ сцапать.

– Да нам, уткам, лесное начальство вот обещало тёплую зиму.

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством:

– Были б у мене крылья, как у табе, я бы никово не боялся! Ты ишо и плавать умеешь, в воду нырять. А я постоянно дрожу со страху.

Тем временем, начальство блюло свой антирес: за каким-то чортом прихлопнуло общественное телевидение, от чево подморозило, и лёд на реке стал понемногу нарастать. Вот выпал и первый снег. Ишо провело реорганизацию: расставило везде номенклатурныя кадры, построило зависимых бюджетников и наглухо отменило выборы. Тут же повсюду повеяло холодом в самом прямом смысле. Река присмирела, к ей тихо-тихо подкрался мороз и крепко-крепко обнял бурливую красавицу, точно прикрыл ея зеркальным стеклом. Серая Шейка была в отчаяньи, потому што не замерзла тока самая середина реки, иде образовалася широкая полынья. Огорченье Серой Шейки стало безмерным, када на берегу показалася Лиса, – та самая Лиса, которая переломила ей крыло. Она работала в специальной службе по борьбе с экскремизмом, которую народ прозвал лескомпозор.

– А, старая знакомая, здравствуй! – ласково проговорила Лиса, останавливаясь на берегу. – Давненько не видалися. Поздравляю с зимой.

– Уходи, пожалста, я не хочу с тобой разговаривать, – ответила Серая Шейка.

– Што ты сердишьси? Я же в воду не лезу. Про мене ваще много лишнево болтають. Сами натворять чѣ-нтъ, а на меня свалять. А я, между прочим, при должности, общественную безопасность соблюдаю, традиционно-нравственно-консервативныя традиции, – лиса подняла лапу, перекрестилася и гордо поджала щѣки.

Када Лиса убралася, припрыгал Заяц и сказал:

– Берегися, Серая Шейка: она обратно придѣтъ.

А тут как раз болотно-лесное начальство решило сабе ишо больше обезопасить, приняв специальную доктрину информационной безопасности. Доктрина в каждой главе ссылалася на болотно-лесную конституцию, принятую во времена обширной оттепели, но на каждом шагу ей же противоречила. Так оно придумало статью о недонесении об экскремизме, куда вошли неразрешѣнные монстрации и пикеты в знак солидарности с такими, к примеру, бедолагами, как

Серая Шейка. Нельзя даже стало, почему-то, при всех сказать болотно-лесному начальству «Пошло вон, надоело!» От этого грянула прямо-таки суровая зима. Голые березы, ивы и рябины убрались инеем серебристым. Ели стояли засыпанные снегом, словно в шубах. Однакость бедная Серая Шейка знала, что така красота обманчива, и трепетала при мысли, что полынья замерзнет и некуда будет дедца. И тут обратно заявила Лиса и села на берегу:

– Соскучилась я по тебе, уточка. Выходи, можа, сдам тебя в отдел по эскремизму, посидишь у нас в клетке до первого застолья. Хи-хи-хи!

Серая Шейка обмерла: Лиса попробовала ползти осторожно по льду к самой полынье. Но к самой воде подбращца не змогла, потому что там лёд был ишо тонок. Она положила голову на передние лапы, облизнулась и проговорила:

– Какая ты глупая, уточка. Вылезай! А впрочем, до свиданья! Я тороплюсь по делам лескомпозора... ой! По делам информационной безопасности!

Теперь Лиса стала приходиться каждый день – проведать, не застыла ли полынья. Тут болотно-лесное начальство, которое после всево, что оно уже натворило, никак не могло уверицца в своей долгосрочной безопасности, озаботилося слишком просторным интернетом и решило – согласно той же доктрине – поставить его под строгий контроль. Эскремистами назначалися даже те, кто просто перекопировал себе в карман подрывную, с его точки зрения, информацию. Короче, грянули настоящие морозы, отчево от большой полыньи осталось всего окно в сажень величиной. Лёд стал крепкий, и Лиса сидела уже на самом краю. Бедная Серая Шейка то и дело со страху ныряла в воду, а Лиса ехидничала:

– Ничево, ныряй, я тебя всё одно сцапаю. Выходи лучше сама.

Судя по всему, Лиса таки съела бы Серую Шейку, када полынья замерзла бы совсем, но случилось иначе. На реку пришёл лесник, который болотно-лесное начальство ни в грош не ставил, жил независимо и никаких информационных доктрин по обеспечению стабильности власти не признавал. Ему как раз нужен был воротник для своей жёнушки. Увидя лису у полыньи, он её, не долго думая, застрелил. Обнаружил в полынье уточку, спрашиваить:

– Ты, глупая, зачем тут плаваешь?

– А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У мене одно крылышко попорчено.

– Ах ты, бедняжка! Да ведь ты замерзнешь тут, вот и Лиса тебя чуть не слопала.

– Нам начальство тутошнее обещало тёплую зиму, а настали морозы.

– Начальство? Да оно у нас о народе не думайть, народ как в нищете к жил, так и живёт. А уж о природе, об окружающей среде – и подавно, сказал старичок, потом подумал-подумал, покачал головой и решил: – А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучкам унесу. То-то обрадуоца. А весной мы тебя в твою стаю отпустим, яичек нанесёшь да утятток выведешь.

Лесник достал Серую Шейку из полыньи, положил её за пазуху, бабий воротник в сумку и отнёс домой.